Юная леди Гот и призрак мышонка

Крис Ридделл

Крис Ридделл

Юная леди Гот и призрак мышонка

Серия «Юная леди Гот», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8286722
Юная леди Гот и призрак мышонка: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-084237-7

Аннотация

Познакомьтесь с Адой Гот. Она единственная дочь лорда Гота, известного английского поэта. Живут они в Грянул-Гром-Холле с многочисленными слугами и немногочисленными привидениями. У Ады совсем нет друзей…

Однажды ночью ей является призрак… мышонка по имени Измаил. Тут и начинаются таинственные, захватывающие и странные приключения, которые навсегда изменят жизнь обитателей Грянул-Гром-Холла.

Содержание

Глава первая 8
Глава вторая 27
Глава третья 46
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Крис Ридделл
Юная леди Гот и призрак мышонка

© Chris Riddell, 2012
© М. Визель, перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Морвенне

Глава первая

Ада Гот села в своей кровати под балдахином на восьми столбиках и уставилась в чернильную темноту.

Опять!

Она схватила подсвечник и соскочила с кровати.

– Кто здесь? – шепнула она.

Ада была единственным ребёнком лорда Гота из Грянул-Гром-Холла, знаменитого разъезжающего поэта, и Парфенопы, прелестной канатоходки из Фессалоник. Лорд Гот повстречал её во время одного из своих путешествий и женился на ней. К несчастью, Ада лишилась матери ещё в младенчестве: Парфенопа погибла, упражняясь в своём ремесле на крыше Грянул-Гром-Холла во время грозы.

Лорд Гот никогда не распространялся о событиях той ужасной ночи. Вместо этого он осел в своём просторном доме и, запершись в кабинете, сочинял чрезвычайно пространные поэмы. А когда не занимался сочинительством, разъезжал на Пегасе (так он называл свой двухколёсный беговел), совершенствуясь в стрельбе из мушкета по парковым украшениям. Неудивительно, что в скором времени он снискал репутацию отъявленного сумасброда и опаснейшего врага садовых гномов.

ЛОРД ГОТ

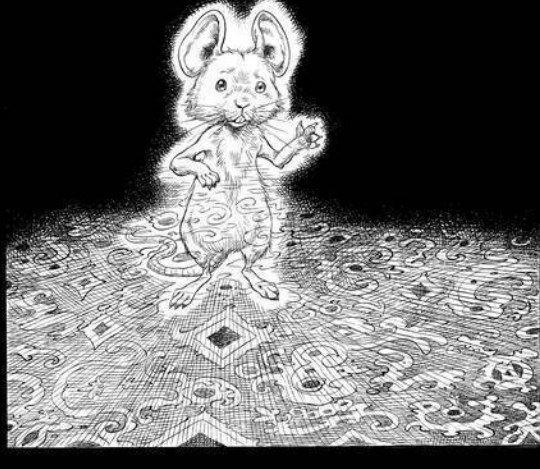
С того несчастного происшествия лорд Гот вбил себе в голову, что детей должно быть хорошо слышно, но не видно. И поэтому настаивал, чтобы Ада надевала огромные громыхающие башмаки всякий раз, когда ей случалось отправляться в путь по проходам и переходам Грянул-Гром-Холла. Таким образом лорд Гот заблаговременно узнавал о её приближении и мог ускользнуть в свой кабинет, где его никто не смел побеспокоить.

Немудрено, что встречались они не часто. Порою девочке делалось от этого грустно, но она понимала его чувства. Раз в неделю они пили чай в большой галерее, и Ада замечала, что стоило им встретиться глазами, её отец менялся в лице. Вне всякого сомнения, она напоминала ему о жене, прекрасной канатоходке Парфенопе, и её ужасном конце. И неудивительно: зеленоглазая и чернокудрая Ада выглядела точь-в-точь как она (Ада знала об этом благодаря медальону с миниатюрой Парфенопы, доставшемуся ей по наследству).

– Кто здесь? – снова шепнула Ада, теперь уже погромче.

– Всего лишь я, – пропищал голосок из темноты.

Ада нашарила в темноте у кровати чёрные кожаные тапочки. В этих тапочках её мать ходила по канату. Они были ей немного великоваты, но чрезвычайно удобны, а главное – бесшумны. Ада надевала их, отправляясь исследовать Грянул-Гром-Холл. Она обожала такие вылазки, особенно по ночам, когда все спали. Потому что, хотя Ада и прожила здесь всю жизнь, Грянул-Гром-Холл был столь велик, что внутри главного здания и служебных флигелей оставалось ещё много неизведанного.



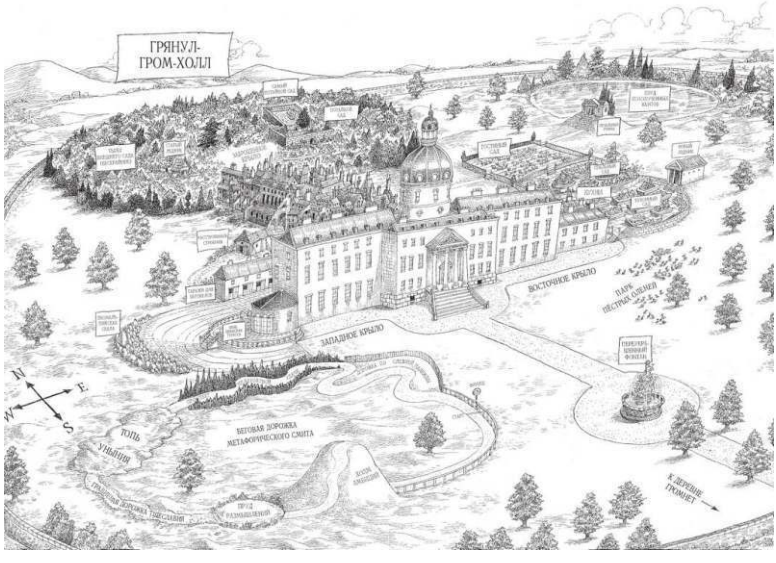
Ада ступила на вытертый турецкий ковёр, сжимая в руках свечу. Прямо перед ней, на вытертой заплате в центре ковра, виднелась маленькая бёлесая фигурка, прозрачная и переливающаяся.

Адины глаза широко распахнулись.

– Ты что, мышка? – воскликнула она.

Мышка немного померцала и испустила ещё один горестный вздох, завершившийся писком.

– Был когда-то мышкой, – ответила она, покачивая головой. – А теперь я призрак. Призрак мышки.



Такое старое и большое поместье, как Грянул-Гром-Холл, не могло, разумеется, обойтись без пары-тройки призраков. В большой галерее лунными ночами изредка являлась Белая монашка, в малой галерее порою проплывал Чёрный монах, а по перилам парадной лестницы в первый вторник каждого месяца съезжал Бежевый викарий. Все они что-то бормотали, стонали или, в случае викария, испускали высочайшие вопли, – но никто ничего толком не говорил. В отличие от этой мышки.

Ада уселась на турецкий ковёр по-турецки, поставив под-

свечник рядом с собой.

– И давно ты стал призраком? – спросила она.

– Не думаю, – ответил призрак мышки. – Последнее, что я помню – как я крался по коридору в пыльной, заросшей паутиной части дома, где я раньше никогда не бывал.

В свете канделябра мышка переливалась.

– Я навещал землеройку в саду, а на обратном пути заблудился. У меня такая чудесная норка за плинтусом в кабинете твоего отца. Ну, то есть была норка…

Призрак остановился и ещё раз вздохнул. Потом сменил тему.

– Ты же его дочь, правильно? – сказал он, глядя снизу вверх на Аду. – Маленькая леди Гот. Та самая, что громыхает повсюду в огромных башмаках.

– Совершенно верно, – вежливо ответила Ада. – Меня зовут Ада. А вас как зовут?

– Зови меня Измаил. Так вот, я бежал по незнакомой части дома и вдруг учуял впереди прекраснейший аромат, струящийся по коридору. Я не мог устоять… я доверился моему трепещущему носу, и он привёл меня к этому сыру – жёлтому, с голубыми прожилками, и запахом… ах, этот запах носков конюха!

Измаил прикрыл глаза, вытянулся всем своим тельцем и затрепетал.

– Похоже, это был «Голубой громмер»[1], – заметила Ада.

---

[1] «Голубой громмер» – один из наименее известных английских сыров. Наряду с «Сомерсетским вонючим», «Заплесневелым епископским» и «Невеликолепным чеддером» он также считается одним из самых пахучих сыров.На мой вкус

Насколько Ада помнила, в кухонной кладовке действительно хранилось несколько головок этого сыра. Впрочем она не часто туда заглядывала. На кухне хозяйничала миссис У‘Бью – очень толстая, очень шумная и очень опасная – опаснее любого призрака. Всё своё время она тратила на изобретение новых рецептов и сохранение их в огромной поваренной книге, доводя при этом до слёз кухарок. Готовить эти блюда было чрезвычайно сложно – и есть зачастую тоже. Для завтрака и обеда требовалось по меньшей мере двадцать три разных ножа, вилок, ложек, а порой и больше. Но зато её желе из носорожьих ножек и запечённая морская выдра были, на радость посудомойке, любимыми блюдами лорда Гота. Ада же, признаться, предпочитала яйцо всмятку с тостами.

– пахнет просто изумительно.

– «Голубой громмер»?.. Не знаю. Но пахло божественно. Я потянулся, чтобы ухватить, и тут… КЛАЦ!!! Всё вокруг потемнело.

Измаил всхлипнул.

– Следующее, что я помню – я белый, прозрачный, парю в воздухе и смотрю на себя самого, зажатого в страшной мышеловке.

– Какой ужас! – ахнула Ада.

– Вот-вот. Я не мог вынести этого зрелища, – мрачно сказал Измаил. – Так что я выплыл оттуда и отправился в твою комнату. Даже не знаю, почему. Почему-то меня сюда потянуло.

– Потому что я тебе помогу! – заявила Ада.

Правда, она пока не очень понимала, чем именно может помочь бедному Измаилу.

– Чем? – пожал плечами тот. – Разве только…

– Что?!

– Разве только ты сходишь со мной и заберёшь мышеловку. – Усы призрака затрепетали. – Чтобы какая-нибудь другая невинная мышка не попалась…

– Отлично!

Шагая на цыпочках в своих канатоходных тапочках, Ада отправилась за Измаилом. Они вышли из спальни, прошли коридор и по главной галерее двинулись в сторону парадной лестницы. Лунный свет сквозь высокие окна освещал развешанные по стенам портреты. От Белой монашки не было ни слуху ни духу, но Аде показалось, что портреты с интересом следят, как она крадётся мимо них.

1-я ЛОРД ГОТ

2-я ЛОРД ГОТ

Они прошли мимо первого лорда Гота, стриженного под горшок и с кружевным жабо. Мимо третьего лорда Гота с нарисованной мушкой. Мимо пятого лорда Гота в завитом напудренном парике и с объёмистым животом. Казалось, он был чем-то недоволен.

– Сюда, – сказал Измаил, соскальзывая вдоль лестницы.

Ада огляделась. Бежевого викария вроде нигде не было видно, и тогда она уселась на перила и съехала вниз с лихим

«вжик!».

Измаил ждал её у подножья лестницы.

– Коридор был где-то там, – сказал он, указывая в темноту.

Ада почувствовала, как в желудке у неё что-то затрепетало.

– Заброшенное крыло! – прошептала она.

Дом Готов был огромен. В нём имелись восточное крыло, центральный зал, накрытый величественным куполом, западное крыло и, позади дома, старейшая часть Грянул-Гром-Холла – заброшенное крыло.

Оно носило такое название, потому что и впрямь нуждалось в ремонте. Но поскольку оно было не на виду и к тому же представляло собой такое хитросплетение запертых спален, заброшенных ванных комнат и остающихся в небрежении проходов, что каждый новый лорд Гот предпочитал просто махнуть на него рукой и заняться новыми пристройками на видном месте.

Четвёртый лорд Гот возвёл купол и свыше четырёх сотен изукрашенных печных труб. Пятый лорд Гот пристроил спереди величественный портик и новые кухни к восточному крылу. Отец Ады был шестым лордом Готом, и он сосредоточил свои усилия на западном крыле. Он добавил к нему гостиные, библиотеки и целый гараж для своих беговелов. Он нанял самого модного ландшафтного архитектора, Метафорического Смита, чтобы разбить перед Грянул-Гром-

Холлом великолепные сады со множеством маленьких хитростей, таких как искусственная скала с тысячью маленьких гномов, Переукрашенный фонтан и очаровательная беговая дорожка для беговелов.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ СМИТ

Ада и Измаил пересекли просторный центральный зал, накрытый величественным куполом, и нырнули в малозаметный проход, наполовину занавешенный ковром. Перед ними открылся длинный тёмный коридор, заросший паутиной. В него выходили дюжины дверей. Большинство комнат с отошедшими обоями и обвалившейся штукатуркой стояли пустыми, но несколько, наоборот, были забиты разными старыми позабытыми вещами – как раз тем, что Ада любила

больше всего.

В одной комнате вошедших встречал портрет неизвестной с такой улыбкой, что увидишь – не забудешь; другая была битком набита китайскими вазами с драконами, а третья служила пристанищем для статуи прекрасной (правда, безрукой) богини.

Вдруг Измаил резко остановился и указал на двойные двери с бронзовыми кольцами вместо ручек.

– Здесь!

Ада взглянула. Перед дверьми стояла мышеловка с кусочком «Голубого громмера». Ада осторожно дотронулась до неё носком тапочка.

ЩЁЛК!

Мышеловка защёлкнулась. Ада нагнулась и подхватила её. И лишь после этого услышала с той стороны двери знакомый и довольно недружелюбный голос. «Ещё одна!» – взвизгнул он.

Двери со скрипом начали открываться. Ада повернулась и помчалась прочь.

Глава вторая

Ада сама не понимала, как долго бежала. Но ей казалось – ужасно долго.

Когда она наконец остановилась перевести дух и оглядеться, Измаила нигде не было. Девочка стояла в узком проходе, ведущем во внутренний двор поместья, залитый лунный светом.

Приглядевшись, она поняла, что оказалась позади дома. Сад вокруг казался диким и неухоженным. Там и сям торчали перепутавшиеся, непомерно разросшиеся кусты ежевики и шиповника. Маленькая деревянная табличка гласила: «Тылы внешнего сада (бескрайние)».

Ада давно собиралась хорошенько изучить этот сад, но ей всё никак это не удавалось из-за проблемы гувернанток.

Нет, у Ады не было проблем с гувернантками; как правило, они ей нравились, и она старалась себя хорошо вести и прилежно заниматься.

Проблемой были сами гувернантки.

Их поставляло «Телепатическое Агентство Гувернанток Клеркенвелла», и они все появлялись через минуту-другую после того, как лорд Гот изрекал что-нибудь о том, что Аде нужно хорошее образование.

Первую из них звали Мораг Макбее. Она была родом из Шотландии, во рту у неё торчал один зуб, на кончике носа – длинная бородавка, чем она, похоже, весьма гордилась.

Обнаружив, что Ада ничуть не трудный ребёнок и перевоспитывать её не требуется, Мораг Макбее была так разочарована, что немедленно вся покрылась сыпью и была вынуждена уехать в родные края – лечиться.

Вместо неё появилась Хэби Поппинс. Она ходила вперевалочку, как пингвин, и всегда что-то напевала. Обнаружив, что Ада (которой она очень понравилась) ничуть не робка и вполне счастлива, она заскучала и убежала с трубочистом.

Третья гувернантка, по имени Джейн Клейр, разочаровала ещё больше. Ада быстро смекнула, что вообще-то эта осо-

ба прибыла в поместье вовсе не для того, чтобы быть гувернанткой. Она только и делала, что гоняла чаи и стучалась в кабинет лорда Гота. Тому ничего не оставалось, как отослать её – после того как мисс Клейр чуть не спалила западное крыло.

После всего этого настал черёд Бабушки Дарлинг. (Вообще-то это была овчарка, воображавшая себя человеком.) Она без конца облаивала Аду, потому что была убеждена, что девочка собирается улететь в некое место под названием Данетландия. Лорд Гот дал ей баранью кость, и она от них отстала.

Бабушка Дарлинг

С Беки Торч дело оказалось намного хуже. В её прошлом явно имелись тёмные пятна, и когда она попыталась стянуть столовое серебро, миссис У'Бью просто вышвырнула её из Грянул-Гром-Холла, наподдав ей напоследок половником.

И наконец, Марианна Делакруа. Она прибыла одной гро-

зовой ночью прямо из Парижа и называла себя революционеркой.

Ада многому у неё научилась: петь боевые песни, вязать чулки, возводить баррикады. Но как раз когда они вместе трудились над интереснейшим проектом – деревянной конструкцией, позволяющей одним движением отсекать головы куклам, Марианна, увлёкшись, надела слишком откровенную блузку, подхватила ужасную революционную лихорадку и была вынуждена уехать.

После этого лорд Гот, казалось, позабыл о необходимости образования для дочери – которого, впрочем, за то время, пока с ней были гувернантки, набралось порядочно.

Полная луна светила на Тылы внешнего сада (бескрайние), и Ада сделала себе мысленную зарубку – вернуться сюда при свете дня и как следует всё изучить. Потом повернулась и совсем уж собралась пуститься в путь вдоль стены

западного крыла до хорошо ей известного стрельчатого византийского окна венецианской террасы – её обычной точки входа и выхода, когда до её ушей донёсся клёкот.

Ада подняла голову.

С чёрного неба планировала огромная белая птица с изогнутым жёлтым клювом и лейкопластырем, прилепленным крест-накрест на животе. Она скользнула над Адиной головой и приземлилась на крышу полуразрушенного каменного сооружения, наполовину ушедшего в землю. Потом, прямо на Адиных глазах, юркнула в дыру в черепице.

– Ух ты, никогда ещё… – пискнул голосок от земли.

Ада перевела взгляд и увидела Измаила, появившегося у её ног, маленького и серебряного в лунном свете.

– Если я только не сильно-сильно ошибаюсь, это не кто иной, как океанский альбатрос, – заявил он. – Уж я-то знаю! Ведь я мышь – морской волк!

– Вот как? – удивилась Ада.

– Я описал свои бесчисленные приключения в мемуарах. И как раз их закончил, перед тем… – он уставился на мышеловку в руках Ады, – перед тем, как *это* произошло.

Ада размахнулась и забросила мышеловку как можно дальше в глубь Тылов внешнего сада (бескрайних).

– Благодарю тебя, – сказал Измаил. – А теперь давай узнаем, что альбатрос делает в старом леднике.

– Так это старый ледник? – удивилась Ада.

Новый ледник стоял в «кухонном» саду, сбоку от восточного крыла. Лорд Гот возвёл его для превосходного льда, доставляемого ему с пруда Уолден[2] в Новой Англии. Миссис

---

[2] Пруд Уолден – вообщето это большое озеро в Северной Америке, сплошь по-

У'Бью использовала этот лёд в приготовлении своего знаменитого пизанского падающего мороженого и сорбета «Пингвиньи язычки».

– Ну да. Моя подруга выдра жила здесь по соседству в водяной яме. И наслаждалась тишиной и покоем.

Ада, стараясь не шуметь, прокралась по высокой траве и сорнякам к старому леднику и обнаружила, что дверь его прикрыта неплотно. Измаил проскользнул внутрь, и Ада последовала за ним.

Ей понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к полумраку.

Когда же это произошло, она убедилась, что старый ледник представлял собой одну огромную комнату с утопленным каменным полом, всю доверху заставленную ледяными глыбами, каждая размером с большой упаковочный ящик. В верхнем ряду прямо на ледяных глыбах примостилась громоздкая фигура, облачённая в морской бушлат, обмотанный корабельными снастями. На голову фигуры была нахлобучена двуугольная капитанская шляпа, а к ногам приделаны две дощечки – явно из палубных досок. На плече сидел альбатрос.

Лицо фигуры отличалось мертвенной бледностью. По вискам и щекам бежали голубые жилки, лоб прорезали глубокие морщины. Зрачки были жёлтыми, с голубыми ободка-

---

крытое хижинами и летними домиками поэтов, философов и мыслителей, жаждущих уединения.

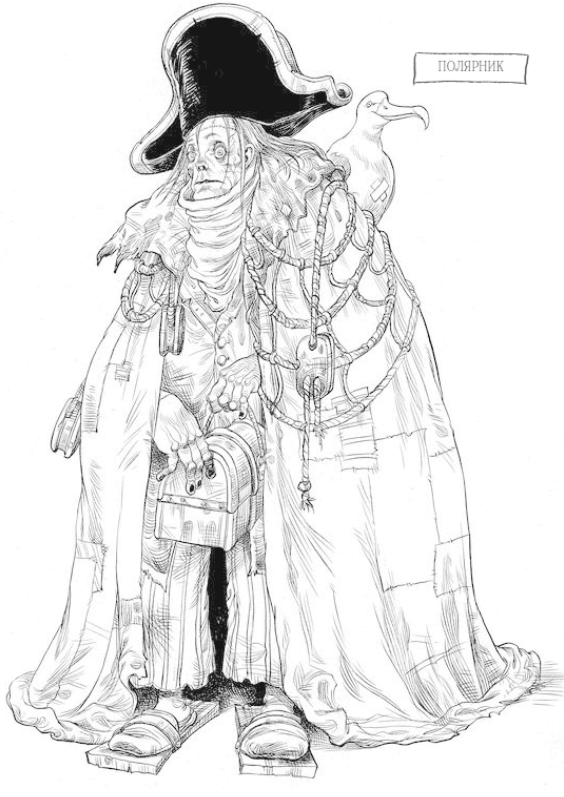
ми, а губы и ногти – чёрными.

Лорд Гот частенько приглашал странных людей погостить в Грянул-Гром-Холле. И порою, погруженный в своё поэтическое творчество, напрочь забывал об этом. Сталкиваясь в поместье с такими позабытыми гостями, Ада всегда старалась быть вежливой и гостеприимной, насколько это было в её силах.

Она сделала небольшой книксен и сказала:

– Добрый вечер. Надеюсь, вы удобно разместились. Меня зовут Ада. Очень приятно.

– Мне тоже очень приятно – незамедлительно ответила фигура, сдёргивая с головы двууголку. – Позвольте отрекомендоваться: я – Мекленбургский Монстр. Но друзья зовут меня Полярником.



– Вода, вода, одна вода, – неожиданно каркнул альбатрос. – Мы ничего не пьём!

– Кажется, мне ещё не приходилось знакомиться с монстрами, – заметила Ада.

Она хотела сесть на ледяную глыбу, но всё-таки не реши-

лась.

– Неудивительно, – отозвался Полярник. – Мы очень редки, знаете ли. Я, да моя бывшая возлюбленная, да… да и всё. Понимаешь, меня сшил один блестящий молодой студент из университета Мекленбурга, это была часть его сумасшедшего исследования…

Ада подумала, что он соскучился по разговору.

– Вода, вода, одна вода, мы ничего не пьём! – повторил альбатрос.

Но Полярник не обратил на него внимания.

– Он собрал меня из останков павших на поле великого сражения при Баден-Баден-Вюртемберг-Бадене. Так что я получил ноги штаб-трубача, руки гренадёра, тело бригадира и голову сержанта-сапёра первого класса.

Полярник пригладил свои безжизненные прямые волосы и снова нахлобучил на них шляпу-лодочку.

– Мой создатель месяц выдерживал меня в банке с клеем, а потом вернул к жизни ударом молнии.

Он улыбнулся, показав зубы цвета морской травы.

– К сожалению, всё с самого начала пошло наперекосяк, – продолжал он, покачивая головой. – Мою левую ступню украла собака мясника. Студент пришёл в ярость. Он был своего рода перфекционистом. Сказал, что не может теперь показать меня профессору, и умчался в аудиторию. Он меня стыдился…

Полярник поскучнел, жёлтые глаза его наполнились сле-

зами.

– Когда профессор спросил студента, где же его домашняя работа, тот ответил, что её съел пёс.

– Бедняжка, – посочувствовала Ада.

– Но я усвоил урок, – заявил Полярник, водя дощечкой

по льду, – теперь на мне всегда шпоры.

Он уставился взглядом в землю.

– Дела шли всё хуже и хуже. Так что я был вынужден уехать.

Полярник вытер глаза и снова улыбнулся.

– Что ж, я нанял корабль и отправился на Северный полюс. Очаровательное место! Величественные пейзажи! Только вот поговорить особо не с кем…

– Айсберги, айсберги, айсберги, мы ничего не пьём! – каркнул альбатрос.

– Как же вы познакомились с моим отцом, лордом Готом? – спросила Ада, стараясь удержать зевок. Полярник, конечно, очень мил, но было уже так поздно, что начинало становиться рано.

– Вообще-то я не знаком с лордом Готом лично. Но я знаком с Мэри Вермишелли, славной сочинительницей и превосходной слушательницей. Прямо как вы, мисс Гот.

– Пожалуйста, зовите меня Адой.

– Прекрасно, Ада.

Полярник погладил альбатроса, примостившегося у него на плече, и продолжил:

– В прошлом месяце Кольридж обнаружил в дрейфовавшем покинутом корабле этот вот номер «Литературного обозрения».

Полярник запустил руку внутрь своего бушлата и выудил помятую газету. Затем ткнул пальцем с чёрным ногтем в пе-

редовицу.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ИЛИ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ, КУЛЬТУРНАЯ, БИОГРАФИЧЕСКАЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

август 1799 года № LXXXII

МЭРИ ВЕРМИШЕЛЛИ

СЛАВНАЯ СОЧИНИТЕЛЬНИЦА СОБИРАЕТСЯ ПОСЕТИТЬ

ПРИЁМ ЛОРДА ГОТА В ЕГО ЗАГОРОДНОМ ДОМЕ,

ЧТОБЫ НАРЯДУ С ДРУГИМИ ЗНАМЕНИТЫМИ ГОСТЯМИ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ

В МЕТАФОРИЧЕСКОМ БЕГОВЕЛЬНОМ ЗАБЕГЕ

(ГОНКА НА ПОЛУМИЛЮ В СЁДЛАХ РАЗНООБРАЗНЫХ БЕГОВЕЛОВ),

А ТАКЖЕ В

КОМНАТНОЙ ОХОТЕ

ПРОВОДЯЩЕЙСЯ В РУИНАХ ЗАБРОШЕННОГО КРЫЛА ГРЯНУЛ-ГРОМ-ХОЛЛА, ВЕРХОМ НА ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ БЕГОВЕЛАХ. ЗА НЕЙ БУДУТ ЛИЧНО НАБЛЮДАТЬ ДОБРЫЕ КРЕСТЬЯНЕ БЛИЗЛЕЖАЩЕЙ ДЕРЕВНИ ГРОМНЕТ И ВОСХИЩЁННО СЛЕДИТЬ ВЕСЬ МИР.

ТАКЖЕ В НОМЕРЕ:

НЕУКРОТИМЫЙ КАРИКАТУРИСТ МАРТИН ДРИНКИНС ПРЕДСТАВЛЯЕТ НОВУЮ СЕРИЮ САТИРИЧЕСКИХ РИСУНКОВ, ПОСВЯЩЁННЫХ ЖИЗНИ ЛАНДШАФТНОГО АРХИТЕКТОРА **МЕТАФОРИЧЕСКОГО СМИТА**, ПОД НАЗВАНИЕМ

ХОЖДЕНИЕ ЗА ЛУКОМ

ОТПЕЧАТАНО ПО ЗАКАЗУ ТРИСТРАМА ШЕНДИ-ДЖЕНТЛЬМЕНА, В ДОЛФИНЕ, МАЛЕНЬКАЯ БРИТАНИЯ, И ПРОДАЁТСЯ Д-РОМ ДЖИНСОНОМ В ВАРВИК-ЛЕЙН. РЕКЛАМНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ ТАМ ЖЕ, А ТАКЖЕ ФАБЕРКОМБОМ И ИТЧЕМ ИЗ ПАТНИ, РАДИКАЛЬНЫМИ ТКАЧАМИ ЗАПАДНОГО ЛОНДОНА.

– Здесь сказано, что Мэри Вермишелли окажется в числе гостей большого приёма, устраиваемого твоим отцом, и примет участие в метафорическом беговельном забеге и последующей за ней комнатной охоте…

Полярник снова расплылся в зеленозубой улыбке.

– Я решил сделать ей сюрприз…

Ада насупилась.

Нельзя сказать, чтобы она ждала большие домашние приёмы своего отца с особым нетерпением. Каждый год многочисленные гости – лорды, леди, поэты, художники и даже скромные карикатуристы – собирались в Грянул-Гром-Холле и переворачивали его вверх тормашками. Миссис У'Бью сходила с ума, готовя банкет, а от Ады более чем когда-либо требовалось быть хорошо слышимой и совершенно невидимой. Беговельные забеги – это, пожалуй, было забавно, но вот комнатной охоты Ада никогда не понимала. Гости прочёсывали заброшенное крыло с сачками для бабочек и ловили всё, что им попадалось. Правда, за дверями всех выпускали на свободу. Но Аде это всё равно казалось слишком жестоким. К несчастью, комнатная охота гостям очень нравилась. Каждый год крестьяне небольшой соседней деревни Громнет приходили к поместью с пылающими факелами и любовались на эту охоту сквозь окна.

Из кухонь в восточном крыле послышался звук гонга. Четыре утра. Кухаркам пора вставать.

– Мне надо идти, – встрепенулась Ада.

Полярник кивнул и приложил палец с чёрным ногтем к чёрным губам:

– Никому ни слова.

Глава третья

На сей раз Ада в один дух обежала западное крыло, влезла в византийское окно, промчалась сквозь центральный зал, по парадной лестнице, боковому коридору, и без сил ввалилась в свою огромную спальню. Забравшись на широкую кровать, она задёрнула полог на восьми столбиках, зарылась в гигантские подушки и провалилась в сон.

Проснувшись от боя часов двоюродного дедушки, стоящих на каминной полке, она с неудовольствием обнаружила, что уже одиннадцать.

Вскочив, Ада помчалась к дверям своей гардеробной и распахнула их. Там, на пятнистом диване, её ждал костюм для среды – шотландский берет, плед настоящего горца и платье из чёрной шотландки. Для каждого дня и каждого вечера у Ады было отдельное одеяние. Его подбирала ей камеристка, Мэрилебон – особа настолько скромная, что Ада её, в сущности, ни разу не видела. Раньше Мэрилебон была камеристкой матери Ады, а ещё раньше – её ассистенткой, которая заботилась о костюмах для выступлений.

Этим, собственно, все сведения Ады о Мэрилебон и исчерпывались, потому что та всё время пряталась в просторном чулане гардеробной. Порою, если Ада чуть мешкала с одеванием, она слышала из глубины чулана осторожные шорохи.

Ада быстро оделась и скользнула в огромные башмаки. Потом отправилась в малую галерею. Там, на боковом буфете, кухарки миссис У'Бью каждое утро накрывали завтрак.

На верхней площадке парадной лестницы она замерла в нерешительности, раздумывая, стоит или не стоит съезжать вниз по перилам, – и в этот момент почувствовала чью-то руку на плече.

– Кого я вижу? Сама молодая хозяйка! – произнёс тоненький, сладенький голосок. – А мне показалось, что шум башмаков доносится из нижнего коридора!

Ада повернулась, чтобы лицезреть высокую, худую фигуру Мальзельо, комнатного егеря, взирающего на неё сверху вниз. Мальзельо обладал светло-серыми глазами, длинными белыми волосами и одеяниями дымчатого цвета – казалось, специально подобранными в тон его собственной кожи. Аде не хотелось этого признавать, но она побаивалась Мальзельо. Куда бы он ни направлялся, он всегда таскал с собой огромную связку ключей, болтающуюся на длинной цепочке, прикреплённой к жилету. При ходьбе они позвякивали, так что обычно Ада слышала приближение комнатного егеря издалека – если только на ней не были надеты, как сейчас,

её огромные скрипучие башмаки, заглушавшие все прочие звуки.

От Мальзельо исходил запах мокрых ковров и плесени, а в должности комнатного егеря он состоял в Грянул-Гром-

Холле уже так давно, что никто не помнил, когда он появился. Его работа состояла в том, чтобы сгонять ворон, пытающихся усесться на украшенные изразцами печные трубы, не давать осам устраивать свои гнёзда на чердаке, пёстрым китайским оленям – жевать ковры, синехвостым тритонам – откладывать яйца в канализационных трубах. Для этого он использовал сети, порошки и ловушки всех размеров и фасонов.

А когда он никого не травил, не ловил и не расставлял ловушки – то пропадал в заброшенном крыле, готовя живность для ежегодной комнатной охоты.

В один год он подготовил рочдейлских пепельных голубей, в другой – длинноухих кроликов с острова Уайт, а три последние года специально разводил миниатюрных комнатных фазанов.

Охотники ловили всю эту живность в огромные сачки, а потом вытряхивали в парк, где та часто приживалась. Именно так произошло восемь лет назад с тремя пёстрыми китайскими оленями[3]. Они так хорошо приспособились, что теперь в оленьем парке их бегало не меньше сотни.

Ада всегда подозревала, что вечно всему недовольному Мальзельо очень не нравилось, когда зверюшек выпускали, и не единожды она ловила мечтательные взгляды, которые

---

[3] Пёстрые олени – чрезвычайно дорогие создания, которых дипломаты и путешественники вывозят в карманах контрабандой из императорского дворца в Абсолютно-запретном-дважды-повторять-не-буду-городе.

тот бросал на мушкет лорда Гота.

Ада вздрогнула.

– Я заметил, как кто-то прокрался в заброшенное крыло прошлой ночью, – проговорил Мальзельо. Его серые глаза сузились в щёлочки. – Но ведь это же не могла быть молодая хозяйка, верно?

Ада почувствовала, как краснеет, и закусила губу.

– …потому что она же не захочет огорчать отца и не отправится бродить по дому, не надев замечательных башмаков, которые он ей дал, правда же?

– Разумеется, – ответила Ада, отступая назад.

– Да будет вам известно, – продолжал Мальзельо, – что заброшенное крыло находится вне пределов досягаемости до ежегодной охоты, в субботу вечером.

Его серые глаза были теперь широко раскрыты и смотрели прямо, не моргая.

– Вне пределов досягаемости? – уточнила Ада строптиво. – Это мы ещё посмотрим!

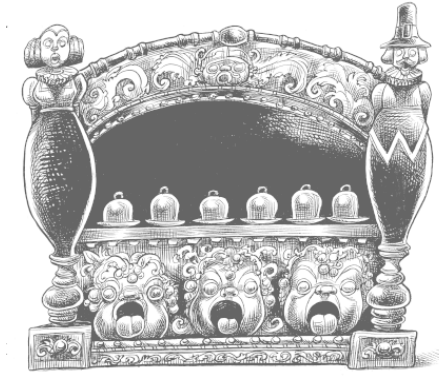
Она сбежала по ступеням, пересекла большой зал и несколько залов поменьше (все заставленные мраморными богами и богинями) и вошла в малую галерею. Завтрак ждал её на якобинском буфете[4].

Здесь были паштет из зайца, мышиная запеканка в гор-

---

[4] Якобинский буфет – самый уродливый и нелепый предмет мебели во всём Холле; но учитывая его огромные размеры, тяжесть, а также тот факт, что он прибит к полу, место его непоколебимо.

шочке, голубь, приготовленный на восемь разных ладов, и заливное из болотной курицы. Всё – на серебряных блюдах под блестящими серебряными крышками.



Ада проигнорировала все эти кушанья и собралась подкрепиться яйцом всмятку и четырьмя горячими намасленными тостами, вырезанными в виде прусских гренадёров. Усевшись за стол, она обмакнула своего гренадёра в полужидкое яйцо, и в этот момент жёлтые обои, напротив которых она сидела, покрылись рябью, словно поверхность озера.

Ада от неожиданности выронила тост.

От стены отделился мальчишка. Цвет и узор его кожи в точности повторяли обои, к которым он прижимался, так что, если бы он не пошевелился, Ада его ни за что бы не заметила.

– С кем имею честь? – вежливо сказала Ада. – Мы, кажется, не встречались раньше? Я – Ада, дочь лорда Гота.

Мальчик сел за стол и немедленно изменил цвет, слившись со своим стулом.

– Я – Уильям Брюквидж. Мой отец, доктор Брюквидж, строит в китайской гостиной вычислительную машину для лорда Гота. Надеюсь, я тебя не очень смутил. Я как бы меняюсь под цвет обстановки. Это называется «синдром хамелеона».

ЧАРЛЬЗ БРЮКВИДЖ,
изобретатель

Чарльз Брюквидж – изобретатель, которого лорд Гот пригласил в Грянул-Гром-Холл с полгода назад и про которого с того времени совершенно забыл.

– Я и не знала, что у доктора Брюквиджа есть сын, – сказала Ада.

– И дочь! – раздался голос из-за её спины.

Ада повернулась и увидела, как из-за буфета показывается девочка её возраста.

За спиной у девочки, как ранец, висел деревянный ящичек и складной стул, к которому крепилась баночка с кистями. Под мышкой она сжимала большую папку для рисунков, а ноги её были обуты в широкие, мягкие башмаки.

ЭМИЛИ БРЮКВИДЖ

– Я – Эмили, сестра Уильяма, – заявила она. Потом обратилась к брату: – Уильям! Перестань выделываться и оденься наконец.

Уильям хихикнул, вскочил из-за стола, метнулся к окну и спрятался между штор.

– Я не слышала, как вы вошли, – сказала Ада, тоже поднимаясь.

– Потому-то я и ношу уличные тапочки, – ответствовала Эмили Брюквидж. – Отец предупредил, что мы ни в коем случае не должны вас беспокоить, вот мы и стараемся не попадаться вам на глаза. Уильям маскируется, а я ухожу в задний сад рисовать акварели.

Она вздохнула.

– Пожалуйста, не говорите папе, что мы вас побеспокоили. Мы не хотели! Просто мы думали, что вы уже давным-давно позавтракали, и пришли за яйцами всмятку и горячими гренадёрами. А потом услышали приближение этих ваших больших башмаков…

Ада улыбнулась.

– Я довольно поздно легла спать…

Потом подошла к Эмили и прикоснулась к её руке:

– И вы меня совсем не беспокоите, ни капельки.

Она взглянула на свои скрипучие башмаки, потом снова на Эмили:

– Я ношу их только потому, что этого требует мой отец. Он полагает, что детей должно быть хорошо слышно, но не

видно.

Уильям вышел из-за занавески. Он облачился в костюм голубого плиса, жёлтые носки и коричневые ботинки. Над белым воротничком его лицо сливалось с занавеской.

Ада подвела Эмили к буфету, взяла два яйца и полное блюдо горячих промасленных гренадёров и протянула всё это Эмили.

– Я буду счастлива, если вы с братом разделите мой завтрак. Я просто обожаю яйца всмятку и солдатиков.

– И мы, – ответила Эмили.

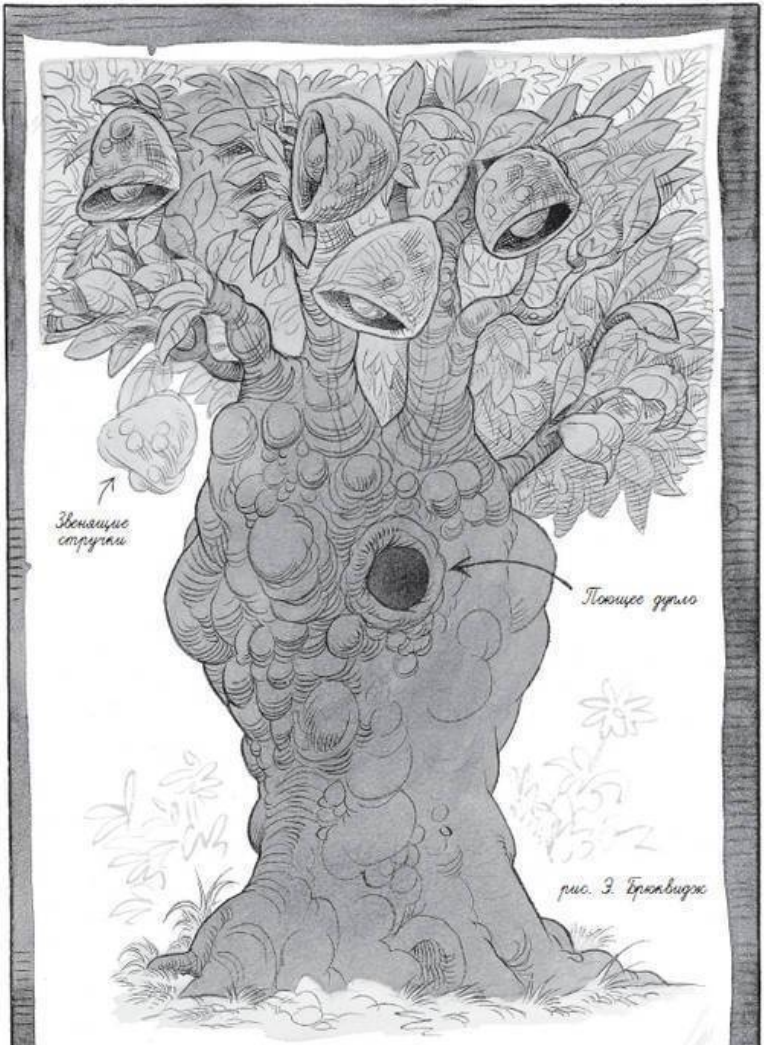
Все трое уселись за стол. Уильям заляпал желтком лацкан своего пиджака, но манеры Эмили оказались безукоризненны. Ада была впечатлена.

Когда они закончили, Эмили открыла свою папку и пока-

зала Аде акварели цветов и деревьев, сделанные ею в Тылах внешнего сада (бескрайних). Ада нашла их восхитительными. Уильям взял в руки лист с изображением пурпурной дикой розы и немедленно принял точно такой же цвет.

Ада рассмеялась.

– Уильям, я ведь тебе уже сказала, перестань выделываться! – строго заметила Эмили. Потом улыбнулась Аде: – Не обижайтесь на моего младшего брата, мисс Гот. Его талант маскироваться заводит его порой слишком далеко.



Поюще-звенящее дерево

– Зовите меня просто Адой! Как это здорово, поболтать со сверстниками! Мне порой бывает очень одиноко… Кухарки слишком боятся миссис У'Бью, чтобы со мной разговаривать, так что мне остаётся только Мальзельо, наш комнатный егерь. А его я, признаться, сама побаиваюсь. Что же до моего отца – мне не хочется его беспокоить, он, кажется, всегда так занят… Впрочем, мы видимся раз в неделю, в большой галерее, за чаем.

Ада сама чувствовала, что слишком разоткровенничалась. Но ей так понравилась Эмили! Она была талантлива, хорошо воспитана. А ещё она тоже любила яйца всмятку с солдатиками.

Аде не терпелось рассказать Эмили и Уильяму об Измаиле и о Полярнике, прячущемся в старом леднике, но она не решалась – ей не хотелось пугать своих новых знакомых. Ведь, что ни говори, Измаил был призраком, а Полярник – монстром. Наверно, благоразумнее будет отложить рассказ о них до тех пор, пока она не познакомится с детьми Брюквидж поближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.